

Свидетельство Марджори, пережившей геноцид в Руанде

Я была девятой из десяти детей в моей семье.

В нашем районе убийства начались 11 апреля 1994 года. Было много шума и криков, поэтому мы решили покинуть дом, но нам приказали идти в районное управление. Тогда был разрушен наш дом.

В районном управлении мы провели следующие три дня без еды и воды. Боевики интерахамве контролировали территорию, они перекрыли водопроводный кран, чтобы мы умерли от жажды. Если кто-то пытался уйти в поисках еды, их тут же убивали.

На третий день, в половине четвертого утра, прибыли два грузовика, полные боевиков интерахамве и солдат, а также гранат и ружей. Затем началась бойня. Некоторые мужчины среди нас пытались защищаться с помощью камней, но наши противники были вооружены и было очевидно, что им не победить.

Многих из нас убили. Тогда были убиты мой отец, три брата, два двоюродных брата и дядя. Дети и их матери ложились на пол, чтобы защитить себя от взрывов гранат, но интерахамве добивали их мачете.

Нас было так много, что у них не хватило патронов, чтобы убить всех, поэтому они вернулись домой. Вместе с другими выжившими мы решили бежать в другой район. Нам надо было переплыть озеро, чтобы добраться туда, но лодка моего отца, на которую мы надеялись, была уничтожена.

Мы сели, потому что больше ничего не могли сделать, так как смерть была повсюду. Некоторые из моих спутников отправились вплавь. Другие хотели покончить с собой, утопиться в озере.

Когда мы услышали крики боевиков интерахамве, мы с двоюродной сестрой побежали. Мы знали наши родные места так хорошо, что легко смогли спрятаться. А за людьми, которые отправились вплавь, погнались интерахамве в лодках. Они зарубили многих людей в озере мачете. Озеро стало огромной лужей крови. Это было ужасно. Я видела, как многих людей убивают.

Наконец мы достигли дома, где попросили убежища. Женщина, которая там жила, испугалась, потому что она тоже была тутси, поэтому дом и так становился мишенью. Мы не могли остаться там, так что провели три дня в кустах.

Женщина приходила к нам и, в конце концов, отвела нас к христианке, которая была ее соседкой. Мы спрятались у нее. Однажды убийцы пришли проверить дом, но мы заранее знали, что они придут, и спрятались возле дома на плантации.

Через некоторое время пришла христианка и сказала нам, что мою мать убили топором. Моя младшая сестра была с ней и избежала смерти, но была ранена в голову и потеряла сознание. Они похоронили мою мать, а сестру оставили рядом с могилой, потому что она была еще жива.

Ей было четыре года, и она провела три дня в таких условиях. Она выжила. Ветер разбудил ее. Она пошла искать убежища у соседей. Но они отказали ей. Затем она пришла в дом, хозяева которого были родственниками скрывавших меня людей.

Они прислали сообщение, что я должна прийти к ним домой. Когда я увидела свою сестру, мне стало больно от ее вида. Она кашляла и выплевывала куски мяса. Она не могла ни есть, ни говорить, но узнала меня. Большую часть времени я только плакала. Мы узнавали о вновь погибших членах нашей семьи. Люди, которые прятали нас, были христианами адвентистами, они хорошо заботились о моей сестре, но не верили,

что ей станет лучше или что она выживет. Убийцы проверяли каждый дом в поисках тех, кого нужно убить. Нам приходилось прятаться в кустах возле дома с 5 утра до 8 вечера. Ночью мы могли вернуться в дом. Мы жили в таких условиях до июня.

Война надвигалась. Наши защитники сбежали и оставили нас в кустах. Мы промокли до нитки от дождей. Мы были голодны, и моя сестра много плакала. Я хотела умереть и решила утопиться в реке. Я оставила сестру одну и пошла к реке. Но смерть не захотела забирать меня, и я осталась жива. Я вернулась туда, где оставила свою сестру. Приказ разрушить наш дом и убить жителей нашей деревни отдали два предводителя интерхамве, чьи имена я знаю. В нашем районе их сильно боялись. Они обнаружили наше укрытие и отвезли нас к себе домой. Мужчины там насильовали меня, когда хотели, пока война не закончилась. Позже мне сказали, что они были убиты в перестрелке. Наш брат тоже выжил. Он вернулся домой, чтобы выяснить, выжил ли кто-нибудь из наших родственников. Это было в 1995 году. Мы переехали к нему в Кигали. Я вернулась в школу только в 1997 году, потому что до этого я ухаживала за своей младшей сестрой, которая не могла говорить из-за проблем со здоровьем. В 1999 году я перешла в среднюю школу.

Когда я заканчивала среднюю школу, у меня тоже начались проблемы со здоровьем. У меня были проблемы с сердцем, и я перестала учиться. В то время я пошла пешком из Кигали в нашу родную деревню. Мой брат не знал, куда я пошла. Я словно сошла с ума. Они искали меня и нашли, а затем отвезли в дом моего двоюродного брата, где я некоторое время болела. Когда мне стало лучше, я вернулась домой к брату. Мой брат работал на низкооплачиваемой работе и из-за моей болезни мы впали в долги. Ситуация становилась отчаянной. Я продолжала чувствовать себя плохо. Затем я сдала анализы на ВИЧ. Результат был положительным. Мой брат должен был продать часть содержимого дома, чтобы оплатить мое лечение. Теперь я перестала ходить в школу. У меня много проблем, и я потеряла веру в лучшее.

Когда у меня начались проблемы с сердцем, я получила соответствующее лечение. Теперь я чувствую себя немного лучше. Но иногда нам нечего есть, и соседи жалеют нас и дают продукты, которые мы готовим. Самым трудным для нас было выжить.

Сегодняшнее чтение свидетельств очевидцев посвящено 15-ой годовщине геноцида в Руанде и призвано выразить поддержку тем, кто выжил в этом геноциде, как Марджори.